

Юрий МАКАРОВ

Светлой памяти отца
Ивана Федоровича Макарова

БАТИНЫ РАССКАЗЫ

Все рассказы, написаны автором на основании воспоминаний его отца Ивана Фёдоровича Макарова (10.12.1928–22.04.2012)

Дети войны — это горькая страница нашей отечественной истории. Какой след остался в их душах после перенесённых в детстве кошмаров, можно частично понять из небольших повествований, вошедших в эту книгу.

Горшочек масла

После того, как умерла мать, Виталий стал бывать в родном хуторе чаще. Отцу его — Ивану Васильевичу было тогда под семьдесят, выглядел он ещё бодро, сам управлялся по дому и с огородом, да и рюмашку-другую пропускал в иные дни не без удовольствия.

Каждый раз, приезжая к отцу, Виталий открывал в нём что-либо новое, незнакомое, чего он не знал, да и не мог знать о нём, хотя и был ему отец родным, близким человеком, а вот, поди ж ты...

Так было и на этот раз. Виталий только забылся спокойным, как бывало в детстве, сном, видимо потому, что спал он в той же комнате, в которой прошло его детство, и на той же старой кровати. Только подушки да постельные принадлежности были другими. Но ощущение уюта, того давнего, детского, присутствовало в этой комнатке, на этой прочной металлической кровати с высокими решётчатыми спинками с блестящими никелем шишаками.

Сон уже почти полностью овладел им, но до сознания Виталия пробилось, как отец встал и начал возиться на кухне. Что-то переставлял, звякнул тарелкой, доставая её из шкафчика, потом по комнате разлился запах борща, и через некоторое время Виталий услышал сопение, чирканье ложкой по тарелке. Отец ел...

— Бать, ты ночью подкреплялся, что ли?.. — спросил Виталий утром. — Я на часы смотрел, половина первого ночи была. Не поздно?.. А то, доктора говорят, что поздно есть вредно...

— Ничего, — как-то неопределённо махнул рукой отец, — не умру...

То же самое повторилось и во вторую ночь, и в третью, и в четвёртую. Отец вставал, сопел, основательно кашал и уходил к себе спать.

— Мы же с тобой вчера не плохо поужинали, — снова затронул тему Виталий, — слышу, а ты опять ночью ешь... Не наедешься, что ли?..

— То ты ничего не знаешь, — вдруг сказал Иван Васильевич. — Мы в войну, когда с мачехой остались, чего только не пережили. Мачеха Варвара Петровна молодая была, а нас, детей, трое: сестра Маня, брат младший Коля да я. Жили впроголодь и христа радиничать приходилось... Эх... — вздохнул он. — Особенно когда в хутор только немцы вошли... У нас дома шаром покати. В хате стол стоял — отец перед войной его из райцентра привёз, с дверьми и двумя полочками внутри. А в столе стоял небольшой

горшочек с коровьим маслом — мачеха его откуда-то привнесла... Мы суп из разной травы варили, и этим маслом заправляли — вкусно было, а скорее от голода нам так казалось. Так вот, немцы как зашли к нам, начали по хатам шастать: «Яйко, молоко, — кричат, — тавай, тавай!» Зашёл один и к нам в хату. Здоровый, весёлый, с автоматом наперевес: «Матка, яйко, молоко, тавай!.. А то, пу-пу-пу!..» — говорит, и на нас с Маней и Колей палец указательный наставляет, как пистолет. Мы все на лавке сидим, прижались друг к другу. У меня одна мысль: хоть бы в стол не заглянул. А он, представляешь, открывает стол и сразу за горшочек. Мачеха как крикнет: «Не трогай!..» — и к нему подалась. А он на неё автомат наставил: «Но-но, матка...», — а сам пальцы в горшочек запустил, масло попробовал: «Гут, гут...», — сапогом по двери хрюснул и ушёл весёлый... Поплакали мы, а что поделаешь?..

И вот тут началось. Почти неделю у нас крохи на столе не было. Представь, есть хочется... Походим мы походим вокруг стола, откроем, а там ничего нет. Сходить бы к кому-нибудь, да поначалу-то мы немцев очень сильно боялись. Так в стол пустой и заглядывали, пока тётка одна кувшин молока не принесла и лепешек из отрубей, да лебеды...

Потом отец грустно улыбнулся:

— Да, а немца того, что горшочек унёс, я ещё раз видел, — сказал он.

— Как? — удивился Виталий.

— Это уже в сорок третьем году было, когда нас освободили. Гнали тогда целую колонну пленных немцев через наше Лаптново. Гнали на Косяки, потом на Алейниково и дальше — до Узловой, железнодорожной станции. Километров шестьдесят им идти туда надо было.

Мне тогда только пятнадцатый год пошёл. Был конец января, морозы стояли страшные. Смотрим, немцев нескончаемо. И всю эту колонну автоматчики сопровождают. Автоматчики одеты были хорошо, все в белых овчинных полушибках, в валенках, шапки на них со звёздочками. А немцы... Ей-богу, на них жалко смотреть было. Ноги и головы каким-то тряпьём поукнуты, идут, иные плачут... А нам, пацанам, интересно посмотреть, высыпали на улицу. Некоторые подбегали к немцам, за одёжку дёргали и кричали: «Эй, фриц!.. Что, холодно!?» Подбежал и я. Дёрнул немца за рукав, поворачивается он ко мне, и я вижу, что это тот самый, весёлый, который тогда у нас горшочек с маслом забрал: «Ага, гад, нажрался масла!.. — закричал я, и стал кидать в этого немца комья снега и всё, что попадалось мне под руки, — Наелся!»

Мне было обидно, что этот, именно этот немец отнял у нас последнее масло, и мы целую неделю сыхали от голода. Я пласал, бежал за колонной, и всё бросал и бросал на немца комья снега. Очнулся почти около Козьего хутора, что был от нашего километра за полтора. Слышу, а мне автоматчик — солдат-хохол говорит: «Ну, хватить, хватить, хлопчик... Иди до дому, до матёри, а то вже вечерие...»

Я ещё больше расплакался, потому что матери у нас не стало от тифа ещё до войны и на отца мы уже похоронку получили. Но немца, который, бедный, уже и не знал, куда от меня деваться, и только беспомощно закрывал лицо руками, я оставил... Постоял немного и пошёл домой... Только знаешь, я сейчас всё думаю, а может, это и не тот именно немец был, который горшочек с маслом забрал... А может, и тот...

И Иван Васильевич замолк.

— А при чём тут твои поздние трапезы?.. — всё ещё не понимал Виталий.

— «Трапезы, трапезы...» — передразнил сына Иван Васильевич, — стол мне тот, наш пустой, уже с неделю снится. Будто ходим мы вокруг него и я, и Маня, и Коля, и мачеха... Открываем, а он пустой. А есть так хочется, просто не возможно... Первый раз я до самого утра мучился. А потом встану, поем, и сплю... Сон тот уже не беспокоит...

«Да-а, — думал Виталий, лёжа в постели, в очередной раз укладываясь спать, — досталось бате. На всю жизнь голодуха в мозги въелась... На всю... Не дай Бог такое внукам пережить...»

Виталий на мгновение представил своих маленьких внучек и внука у того военного пустого прадедовского стола, дыхание у него сразу перехватило, к горлу подступил комок, защемило сердце. Он встал, накапал себе корвалола, выпил и снова улёгся на кровать. Уснуть он не мог долго, а отец, как ни странно, в эту ночь спал и к столу не выходил. Может, скатилась эта беда с его души, потому что рассказал о ней сыну? «Говорить надо бы почаше с батей... Почаше...» — подумал Виталий, и тёплая волна сна накрыла наконец и его.

ПАПАХА

В тёплый июльский вечер Иван Васильевич и Виталий сидели за двором на скамеечке. Так же как и они, на скамеечках, у своих заборов расположились другие жители хутора. Кто просто так, а кто встречал стадо. Солнце клонилось к закату. По улице медленно шли к своим дворам коровы, шумно дышали, иногда протяжным мыском отзывались на зов своих хозяев. В воздухе пахло парным молоком, свежей степной травой, а также всем, чем может пахнуть деревенский июльский вечер, мирный и спокойный.

Вдруг из своей калитки выскочил на велосипеде и прошмыгнулся перед самой мордой у коровы, которая шла впереди всех, Вовка Рудник — мальчишка лет двенадцати. Корова Жданка тёти Ксении Марасенко была строгого нрава, но от неожиданности она сначала встала, как вкопанная, а потом свернула на центр улицы и продолжила путь.

Вовка тем временем не успокоился. Он проделал свой трюк перед мордой коровы ещё и ещё раз. Жданка завертела головой, стараясь поддеть незадачливого велосипедиста.

— Что ж ты делаешь, антихрист! — закричала от своей калитки тётя Ксения, — чи на коровых рогах захотел побывать?! Я вот отцу скажу, он тебе ремня врежет, — привела она угрожающий довод, и Вовка немедленно исчез с улицы.

— Ты смотри, — сказал отцу Виталий, — никакого страха у пацана. Корова ж, если подденет рогом, мало не покажется... А он виши...

— Ох, а мы, когда такими были, чего-нибудь боялись?.. Да ничего!.. — хлопнув в несколько раз сложенной газетой по колену, махнул рукой Иван Васильевич.

Виталий и сам вспомнил вдруг, как он разгонял в галоп лошадь на только что убранном поле и на полном скаку прыгал с неё в копну соломы, оставленной от комбайна. То же проделывали и его дружки. И никто ж из них не думал и не боялся, что может просто не рассчитать и сигануть мимо копны. А были они тогда ничуть не старше этого хулиганского Вовки Рудника.

— Недаром, — продолжал своё Иван Васильевич, — на таких пацанах всякие революции держались. Ну пусть постарше они были — лет по четырнадцать-пятнадцать... Помнишь рассказ про Гавроша?.. Он ведь, когда патроны под обстрелом для повстанцев собирали, и в ум не брал, что его убьют. Такими ж были и комсомольцы наши после Октябрьской революции, и хунвейбины в Китае, да и Гитлер в конце войны малолеток на смерть посыпал. Это ж самый возраст такой: отваги через край, за ду-

шой ещё ничего нет, а смерть... В таком возрасте пацан думает, что умереть может кто угодно, только не он... Себя он бессмертным считает... Знай только направляй таких, куда тебе надо.

— А что, ты тут, наверное, прав... — согласно кивнул Виталий.

— Чё ж не прав... Я в войну, может, чуть постарше был. Помню, как немецкие лётчики наших попавших в окружение военных бомбили рядом с Лаптиловым. Они бомбили, а мы с Петькой Чудным, дружок у меня был с такой фамилией, бегали смотреть, куда бомбы упадут. Что, ото у нас ума много было?.. Возраст такой.

Военные наши отступали. Все яры и балки за хутором пешими людьми забиты были. Кто в форме, кто без формы. К Дону спешили. А он, гад, как налетит, и давай бомбы скидывать. Правда, падали они далеко от людей. Может, никто и не погиб бы, да несколько человек оторвались от общего потока, кинулись бежать в сторону, там-то их бомба и накрыла. После говорили, шесть человек в клочки разнесло. Так этого мало. Ещё лётчики из пулемётов по людям стреляли...

Вот... А мы с Петькой, как зайцы, на дорогу, что на Белый Колодезь вела, выскочили и бегаем по ней. Фриц на самолёте опускается низко-низко. Видно его нам: из кабины самолёта на нас смотрит, в очках, в шлеме, ещё и рукой помашет, мол, привет, Иван, а потом как даст впереди нас очередь... А пулемёт-то крупнокалиберный... На дороге прямо такие фонтанчики из земли, — пух-пух-пух! — а мы упадём, головы руками прикроем, а на фонтанчики эти всё равно смотрим — интересно ж...

Не помню, у меня на голове было что надето, или нет, а вот у Петьки, точно помню — папаху каракулевую. То ли отцова она у него была, то ли дедова, не знаю. Но замызганная изрядно. Петька в ней и зимой, и летом бегал. И в тот день он в ней был. Лётчик, фриц этот, тогда три или четыре раза над нами пролетал, и всё время очереди из пулемёта своего пускал... Да всё к нам ближе и ближе. Последнюю совсем близко дал. У меня фонтанчики прямо перед глазами запрыгали. Улетел самолёт, мы поднялись, смотрю, а Петька папаху свою в руках держит и хохочет, прям заливается:

— Гляди, Вань, папаху пулей пробило... Во дырка какая!.. — двумя пальцами за эту дырку папаху подцепил, по дороге прыгает, — вот это да!.. Вот это дырка!..

Я тоже в эту дырку на папахе пальцами слазил, тоже с папахой по дороге попрыгал, и побежали мы домой. И ты думаешь что, хоть один из нас какой-то страх испытал по поводу того, что буквально два-три сантиметра, и пуля эта уже б не папаху, а голову Петькину в черепки разнесла?.. Да что ты!.. Он с недавно бегал и всем эту дырку на папахе показывал. Правда, когда до его матери, тёти Паши, об этом деле разговоры дошли, ох же и порола она его лозиной, я из-за сарая наблюдал и радовался, что меня так пороть некому — ни отца, ни матери. А тётя Паша с Петьки штаны сняла, голову коленями зажала, лупит, а сама плачет и смеётся, и причитает тонюсенько так: «Дурак, дурак!.. Как же ты живой остался?!

Потом Иван Васильевич ненадолго смолк:

— Ну, и что ты думаешь, мы с Петькой Чудным какой-то коровы тогда испугались бы?.. Да ни в жизни!..

А папаху Петькину Тётя Паша тогда зашила, выстирала, так я её на Петьке ёшё и после войны не раз видел... Во, какая прочная оказалась. А может, ничего другого на голову надеть не было.

ПАРТИЗАН

Однажды, дело было в середине августа, Виталий с отцом отправились на огород. Накопали там ведро картошки, с ёшё не окрепшей, но уже начавшей затвердевать кожурой, выбрали в грядке огурцы, набрали спелых и полуспелых, как говорил Иван Васильевич надзелень, помидоров, которые тяжестью своею, обламывали мощные побеги. Прямо из мягкого чернозёма Виталий выдернул, несколь-

ко головок лука, уже одетого в золотистую чешую, почти с кулак величиной, и спросил, замешкавшегося у вёдер с овощами отца:

— Ну, что, бать, пойдём домой?..

Отец то ли не рассыпал, то ли был занят своими мыслями, но ничего не ответил.

— Что молчишь, как партизан, — окликнул его Виталий, — или ты ещё собираешься здесь что-то делать?..

— Да нет, — ответил отец. Потом голова его дёрнулась, — хых, «партизан»... Был у нас тут один партизан при немцах...

— Что, у нас здесь партизаны были?..

— Слух о них шёл. Знали, что в райцентре девушку немцы повесили. Теперь-то я знаю, что связной она была у подпольщиков. А тогда об этом шёпотом говорили, а чаще помалкивали. А тут, в Лаптиново, мой дружок Ваня Пранин в партизаны попал.

Виталий с детства хорошо знал дядю Ивана Пранина. Он был ровесником отцу. Дядя Иван всю жизнь работал на тяжёлом тракторе, заболел силикозом и умер, не дожив до пенсии.

Виталий удивился:

— Как, дядя Ваня был в партизанах!?

— Да ты слушай. Нигде он, конечно, не был. Но чуть было, немцы его не казнили, как настоящего партизана.

Иван Васильевич кинул на ведро с картошкой порожний мешок и усился на него, как на стульчик.

— Вот этот краёк, — махнул он рукой в сторону хутора, — где у нас огород и наша улица, немцы, когда в хутор зашли, заняли полностью. И туда, в сторону Киричёвки расположилось их видимо-невидимо. Тут же, прямо в кортеже бывшего отделения совхоза, штаб они организовали. А на той стороне, где у нас сейчас кладбище и, там, где новые дома, что перед перестройкой прежние власти успели построить, тоже хаты были, но главное сад. Сад хороший: яблони в нём росли, груши, сливы, вишни. А перед войной ещё и греческий орех. Огромный, орехов на нём была тьма. Кому надо — все на зиму заготавливали, даже из соседнего села Баркино приходили за ними. Рвали, собирали... что их жалко?..

В саду было как-то чисто, а со стороны Баркино поля позаставали высоченным бурьяном. Наши, когда отступали, много оружия побросали. Мы, пацаны, и винтовки находили — СВТ, с длинным таким стволом, патроны к ним, и автоматы ПэПэШа с полными дисками. В диск, по-моему, семьдесят два патрона входило.

Вот и Ваня Пранин нашёл ПэПэШа с заряженным диском — совершенно исправный. И что ему вздумалось?.. Приволок его в сад и как даст две или три очереди по груше, — чирк-чирк-чирк!.. — Что тут началось!.. Немцы как забегались; кричат: «Партизанен!.. Партизанен!..» Штук три мотоциклетных расчёта с пулемётами — через яр, и в сад. Смотрим мы, повезли нашего Ваню в лульке мотоцикла к амбарам, кинули в один из них. Минут через десять начали людей к амбарам гонять. Согнали... Выводят Ваню из амбара, на шее у него табличка из фанерки висит и на ней написано красной краской «ПАРТИЗАН». Ваня перепуганный, плачет, а офицер немецкий говорит: «Дас ист партизанен... Ми партизанен расстреливай!» и тут же три автомата выходят и становятся напротив Вани.

Наши бабы как заголосили, — хоть забегай. Офицер кричит: «Молчат!» — а они всё равно ревут.

Потом, я смотрю, из толпы дед Тимоха выходит и прямо к офицеру. Офицер палец поднял, автоматы опустили. Дед Тимоха, два года в австрийском плена был в первую мировую войну, и по-немецки худо-бедно говорил. Подходит он к офицеру и говорит: «Герр официр, нехай этот дас киндер геннах хауз... Кляйне он ёщё — дурачок совсем...» — и вертит пальцем у виска. А потом, не дожидаясь, что скажет немец, как даст Ване подзатыльник: «Марш домой сукин кот!..» — тот кубарем прямо автоматчикам под сапоги. Вскочил, как заорёт, слёзы и сопли по лицу размазывает и побежал в сторону своего дома.

Немцам это показалось смешным. Ведь Ваня когда вскочил с земли, до того в пыли перепачканный, да ёщё эта фанерка

на шее болтается, да слёзы, да сопли... Так немцы в него пальцами тычут, гогочут, аж за животы похватались: «Партизанен!.. Партизанен!.. Го-го-го!..» Ещё и свистели Ване вслед.

Потом офицер слёзы от смеха платочком вытер, автоматчикам рукой махнул и на хуторян показал: «Нах хауз, нах хауз...» Тут немцы и разогнали и нас, и баб, и стариков...

Иван Васильевич помолчал, потом:

— А лук в этом году хороший... С весны, правда, мошка какая-то на нём завелась — перо белеть и сохнуть стало... Так я его мыльной водой опрыскал — и ты знаешь, он прямо дня через три повесел... А мыло обычное — хозяйственное...

— Бать, а что ж с партизаном-то дальше было?..

— Да ничего. На трактористов нас в сорок четвёртом году послали учиться. Собрали безотцовщину, это таких как я, да и других малолеток — у Вани-то отец живой потом с войны вернулся... Ну, и учили... Теперь я думаю, что нас просто спасали. Потому, что и первое, и второе, и третье нам в столовке варили. Жетончик отдаёшь — тебе и дают то, что в нём значится, первое, там, или второе... Кто поразворотливее, умудрялись и два раза на один жетончик блюдо получить... Конечно, взрослые, думаю, эти махинации наши видели, да я ж говорю — спасали... А сейчас сколько детворы беспризорной?.. Стыдова!..

Иван Васильевич опять замолчал, стал зачем-то перекладывать с места на место помидоры.

— А Ваня... — помолчав продолжил он, — Иван Фёдорович — это его уже лет пятнадцать как нет... Когда-то, Царство ему Небесное, выпивали с ним у нас дома, не помню по какому случаю, говорит мне: «А я, тёзка, на деда Тимоху тогда такое зло затаил... Поверишь, убить его хотел. Нашёл винтовку — когда наши немца прогнали... Весной... Как раз перед тем, когда нас на курсы трактористов послали. Два или три раза его выслеживал, целился в него и убил бы... А вот щёлкнуть курком не решился. И так у них с бабкой Митрофан да Василий к тому времени на войне погибли. А зло я на него держал долго... Пока и в армию не забрали... Не понимал, — говорит, — дурак, что он меня от смерти спас».

Помню, помянули мы с ним тогда всех, кого война забрала, и деда Тимоху, и сыновей его, в общем всех, да и разошлись... — вздохнул Иван Васильевич.

Потом Виталий взял вёдра с картошкой и помидорами, Иван Васильевич — маленько, с огурцами, и они направились к дому.

Августовский вечер был безветренный и душный. В небе, кое-где, висели и расплывались розовеющие облачка. Виталий шёл вслед за отцом, смотрел на его сутулую спину, а из головы его всё не шёл добродушный, вечно кашляющий дядя Ваня Пранин, и Виталий никак не мог представить его мальчишкой, который залёг где-то в бурьяне с винтовкой и целится в неведомого Виталию деда Тимоху, своего обидчика и спасителя.

ТОЛМАЧ

Всё в это утро было весёлым: и раннее улыбчивое солнышко, и бодрый августовский ветерок, и щебетание ласточек на проводах.

Виталий вышел на улицу, босиком прошёлся по мягкому спорышу к корыту, шумно умылся по пояс свежей, холоднющей колодезной водой, обёртываясь висевшим тут же полотенцем.

— Проснулся?.. — услышал он голос отца.

— Ага...

— Ну, иди скорей, давай перехватим, — позвал его Иван Васильевич из малюсенькой летней кухоньки, сооружённой во дворе ёщё с покойной женой Натальей Егоровной, — а то картошка остынет...

Они не успели позавтракать, как хрюплю залаял вечный дворовый сторож Азор и в проёме открытых дверей кухоньки появился дядя Саша Гузин. Вид у него был тяжёлый. И без того

тёмная кожа на худощем лице отливалась синевой. Некогда чёрные острые глаза подёрнулись слезливой поволокой, единственное дело — чёрные, без единой сединки волосы, несмотря на солидный возраст, напоминали о былой его красоте.

Дядя Саша всю жизнь пас совхозный скот. Трезвым в то время бывал от выходного до выходного. Детей у них с красавицей и певуньей Марусей не было. Теперь он был пенсионером. Следовательно, выходные у него были каждый день, ну, а чем он занимался в выходные, уже сказано.

Дядя Саша держал в руках литровую банку с молоком, даже не накрытую крышкой.

— Ванюш, — обратился он к Ивану Васильевичу, — я тут тебе молошка принес, свеженького...

— Саш, да не надо мне молока, — отмахнулся Иван Васильевич, — налить я тебе и так налью — вижу, не гарно тебе...

— Не-е, Ванюш, я ж не христарадничать пришёл, я на молоко поменять...

Иван Васильевич махнул рукой, достал со стола баночку с самогоном, налил стопку, отрезал хлеба и положил перед дядей Сашей вилку. Тот выпил, взял с тарелки кружочек нарезанного огурца:

— Ничего не надо, Ванюш, я так, «врагом народа» загрызну, — так дядя Саша называл огурцы за их малокалорийность.

— Да бери хоть картошку, хоть мясо, а то твой «враг народа» тебя до добра не доведёт...

— Было бы чем жевать, — пьянея, отмахнулся дядя Саша, а потом: — Виталик, а хощешь, я тебе немецкий стишок расскажу?.. И тут же продекламировал:

«Der fatfer, und di mutter,

Поехали на хуттер,

Авария случилась,

Цвай киндер получилось...»

Это мы у школе учили, — пьянея засмеялся он и спохватился, — ой, Ванюш, ничего, что я такое медлю при Виталии?..

— Да я думаю, что он уже всяких таких аварий навидался, — ухмыльнулся Иван Васильевич, — уже за сорок хлопецу.

— Ну, не ругайте меня, не ругайте, — засуетился вдруг дядя Саша, — побег я...

Он красноречиво посмотрел на стопочку, стоявшую на краешке стола, потом резко развернулся и бодренько отправился со двора...

— Во, видал немца?.. — улыбаясь, спросил Иван Васильевич у сына. — Я вот, когда в Германии служил, так у нас тогда такой анекдот ходил: застал комендантский патруль нашего солдатика, который с немкой гулял. Тот развелся, немецкий-то язык — через пень колода, — кричит девушке: «Ком за угол, ихь попух!..» Да-а-а, много нас таких немцев там было...

Иван Васильевич помолчал, потом вдруг хохотнул:

— Был тут и у нас в войну один такой «немец», толмачом его хотели фрицы сделать.

— Как толмачом? — не понял Виталий.

— Переводчиком... Они тогда всё чаще и к нам, и в соседние хутора наезжать стали... На машинах, на танках... Страшно было.

Один раз пошли мы с Петькой Чудным и Митея Филипповым на Матуги. Там в войну хат двенадцать стояло. Митя нашёл и припрятал там, в овраге, наган и хотел его нам показать. Только туда прибежали, смотрим, машина, большая такая, жмёт прямо через буряны. Остановилась около хаты тётки Надёги Петровой. Видим, немец что-то ей говорит, руками размахивает, а она плечами пожимает. Мы, конечно же, туда побежали. Тогда немцев мы уже не боялись. Даже окружёнцы, кто к Дону не дошёл, в гражданское попереодевались и у хуторян многих в хатах жили. Жил и с нашей мачехой спокойный солдат Женька, лет тридцати — обувь всем чинил. Ладно, о нём как-то в другой раз... Так вот, подбегаем, а их, немцев, четыре человека. Тот, что с тёткой разговаривал — офицер, и все они уже тётку оста-

вили и перешли к её соседу, деду Алексею Анисимовичу, который стоял около своей хаты и покашливал, потому что курил очень крепкий табак-самосад. Офицер подошёл к нему и что-то сказал. Никто ничего не понял и хозяин подворья ему ничего не ответил. Тогда офицер подошёл к сараю, стал дёргать за солому на крыше и говорить: «Хой, хой...» или «хай», — после, конечно, выяснилось, чего он хотел.

Алексей Анисимович позвал свою самую младшую дочь Прасковью, мою ровесницу, и послал её ещё за одним соседом, дедом Фёдором, отцом Витьки Толмача, мол, немцы приехали, чего-то требуют, а чего — понять невозможно. Ты ж, наверное, не знаешь, отчего Витьку Толмачом прозвывают?.. Сейчас узнаешь...

Резон был в том, что дед Фёдор вроде как тоже в плену у немцев был, как и дед Тимоха. До войны, бывало, мужики его спрашивали, как будет то или иное слово по-немецки, а он переводил. Может, и не совсем точно, но мужики верили.

Тут мы с Петькой и Колей уже совсем рядом с немцами стояли. Они на нас посмотрят и ничего, не прогоняют. Глядим, бежит Прасковья, а за нею дед Фёдор с палочкой ковыляет.

Алексей Анисимович на деда Фёдора пальцем показывает и говорит офицеру: «Ему кажи, он понимает...»

Подошёл дед Фёдор к немцам — офицер говорит: «Гутен таг...» А дед, может, забыл, а может и не знал, как ответить. Стал и стоит, на офицера молча смотрит. «Гутен таг...» — опять сказал офицер. Дед Фёдор постоял молча, а потом рукой махнул и говорит: «Так-так...»

Немцы переглянулись и офицер со словами: «Хой, хой!..» — опять стал дёргать солому на крыше сарая, в котором стояла корова Рябка Алексея Анисимовича. Офицер начинал сердиться. Дед Фёдор понял, что нужно что-то говорить, кивнул офицеру головой, мол, понял, и, повернувшись к Алексею Анисимовичу, сказал: «Немец говорит: отдав корову, а то хуже будет. Видишь, они с оружием и шутить не собираются...»

Прасковья, услышав это, заплакала и побежала звать мать — бабу Лиду, а Алексей Анисимович сказал: «Дулю им, а не Рябку...». — «Как знаешь, — пожал плечами дед Фёдор, — сказали, если что, всех расстреляют...»

Алексей Анисимович растоптал цигарку, плонул, пошёл в сарай и начал отвязывать свою Рябку. Выскочили из хаты и с плачем побежали к нему баба Лида и Прасковья...

— А вы что? — спросил Виталий.

— А что мы? Мы пацаны... Стоим, смотрим, что дальше будет. Немцы опять переглянулись, а один вдруг как засмеётся: «Найн, найн!..» — наклонился, сорвал пучок травы и стал показывать, будто бы он его ест, а потом стал махать руками, будто косой косит. Лишь тогда все поняли, что немцам сено понадобилось.

Сена немцы набрали из скирды, что буквально перед их приходом лаптиновцы и матужане заскирдовали рядом с кошарой, где до войны размещались овцы, но их угнали. Солдаты поехали к скирде своей машиной, а мы побежали следом. Они выдёргивали из копны пучки сена, нюхали его и хохотали. По-видимому, приятный запах разных цветов и трав очень нравился им. В кузове машины были скамейки для перевозки людей, и немцы набрасывали туда сено вилами навалом, поверх этих скамеек, а нас заставили раскладывать и утаптывать его, чтобы больше влезло. Потом уехали, а за работу нам ничего не дали. Хотя мы, голодные пацаны, надеялись, что они нам хоть галет дадут — был у них такой хлеб, похожий на печенье, только побольше, наподобие хлебцев наших, спрессованный сильно очень, сухой, его перед едой распаривали на пару, и он прямо как хлеб настоящий становился. Правда, уж если галеты нам в руки попадали, так им не до пару было, мы и сухими их ссыпали. Но не дали нам немцы на сей раз ничего, хотя к этому времени и Петьку, и Колю, и меня немецкие солдаты уже заставляли на себя работать, но давали за работу что-нибудь съестное. Меня один, пузатый такой, заставил машину мыть. Я помыл, а он пальцем

меня поманил: «Коми я-а...» Я подошёл, так он мне бубликов дал и колбасы целое кольцо... То-то мы дома пировали... А эти такие вот оказались. Не пойму только, чего это они без переводчика приезжали?.. У них это вроде чётко поставлено было. Может, как-то по собственной инициативе?.. Так для немцев это тоже маловероятное дело.

А над дедом Фёдором долго в хуторе смеялись, так Толмачём и прозвали. Вот и Витяку по наследству Толмачём окликают. У нас так: хоть делай что, хоть говори, наперёд десять раз подумай, а то вот так, как дед Фёдор ляпнешь, то и внуки не расхлебают.

— И что ты собираешься делать? — закончив свой рассказ и похрустев пальцами, зевнул Иван Васильевич.

— Пойду, почитаю, там у меня книжица интересная.

— А я прилягу. Может, вздренму...

Утро было в разгаре. Ласточки с криком и писком пикировали над большим серым котом, который, прижав уши и жмуря глаза, сидел на приоткрытой двери сарайчика в непосредственной близости от их гнезда. Ласточки старались прогнать кота. «Ко-ко-ко, ко-ко-ко!» — тревожно поддакивал им красно-чёрный громадный петух по кличке Пётр Кузьмич.

— А ну брысь!.. — взмахнул рукой в сторону кота Виталий, и кот мгновенно исчез в неизвестном направлении. «Во!.. — подумал Виталий, — и никакого толмача ему не надо — всё понимает, без перевода...»

СТАРАЯ РОГАТКА

— Глянь, бать, — Виталий протягивал отцу какой-то предмет. В гараже, где они наводили порядок, было не так уж светло, поэтому, только взяв в руки, Иван Васильевич разглядел рогатку.

— А-а, праш... — так в Лаптино испокон называли это неизвестное, мальчишеское оружие. — Интересно чей...

— Не знаю, — пожал плечами Виталий, — но точно не мой, у меня такого не было. Может, Толин или Федин, — высказал он предположение о принадлежности рогатки братьям, — почти тридцать лет тут провалалялся...

Иван Васильевич повертел рогатку в руках, попробовал растянуть резину и вышел из гаража.

— А ну-ка, поставь туда, на столбик, вон ту банку, — сказал он Виталию. Потом поиском глазами под ногами, поднял какой-то подходящий камушек, заложил его в пращу, которую лаптинские мальчишки называли слишком упрощённо для боевого оружия — «шкураток», растянул резину. — Отойди!.. — скомандовал сыну, прицелился, — дзынь! — и банка улетела со столбика. От стрелка до столбика было шагов двадцать.

— О, бать, да ты снайпер!..

— А то как же!.. — по-мальчишески засмеялся отец, — а ну-ка, ставь ещё раз...

Пока Виталий ставил банку на место, отец уже встал наизголовку. Он поднял оружие, резко растянул резину. Послышался щелчок, но банка осталась на месте.

— Э-э, резина старая, — сказал Иван Васильевич и бросил рогатку на скамеечку, — порвалась...

Действительно, резина, взятая для изготовления рогатки с автомобильной камеры, от времени потрескалась, утратила свою тягучесть, и хватило её только на один выстрел.

Иван Васильевич присел на скамеечку рядом с рогаткой, помолчал.

— В войну, — начал он, — мы для пращёй брали резину из противогазов. Тянулась хорошо и сила убойная у неё отличная была. Стреляли из праща «дробью» из побитого на мелкие кусочки чугунка, либо выплавляли свинец из винтовочных пуль, заливали его в камышинку, рубили на кусочки, а потом, как старые охотники, катали сковородками. На большую сковородку клали кусочки свинца, а маленькой прижимали и катали, пока

дробь не становилась круглой. Это уже была настоящая дробь для настоящей охоты. Рогатка ведь у нас первой кормилицей была. Голубей насыпаем — вот тебе и суп, и мясо. Правда, перевелись они быстро...

Ещё хорошая резина была из камер немецких мотоциклов БМВ. Это мы при немцах узнали. Они, когда у нас в Лаптино стояли, так, бывало, колёса на них ремонтировали, а камеры непригодные выбрасывали. Для нас это целое богатство было.

Чем может стрельба из боевого оружия кончиться, мы уже знали. А за рогатки нам никто ничего не говорил... Да, а резина на этих мощных проходимых мотоциклах у немцев была в большинстве красная. Тот, кому доставалась старая красная камера с колеса, был богачом. За эту резину можно было требовать что угодно: хоть дорогую свинцовую дробь, хоть любую еду. Тот, кому она была нужна, был готов отдать за неё всё.

Однажды промышляли мы по хутору: я, Петька Чудной, Митя Филиппов, ещё несколько пацанов. Смотрим, немцы, человек шесть, выкатили из сарайчика БМВ и грузят в кузов «студебеккера». Митя говорит: «Смотрите, у него переднее колесо спущено... Эх, камеру бы стибрить...» Мы ему: «Ты что, немцы ж сразу убьют!..» «Не убьют» — говорит Митя.

А немцы кричат, две толстых доски сзади к кузову прислонили, и мотоцикл туда по ним быстренько закатили. Погоготали, поговорили и ушли. Обедать, наверное. А в кузов «студебеккера» немец пожилой залез. Полный, рыжий, нос горбинкой и глаза булькательные, серые. Рукава мундира закатаны, на шее автомат висит. Сел он на скамеечку, руками об автомат опёрся и смотрит на мотоцикл, что-то под нос себе мурлычет. Охранять, значит, остался. Это мы уже за ним из терновника наблюдали, которым весь овраг зарос. А нас же туда прямо как магнитом притянуло. От сарайчика до терновника метра три, ну, может, больше... У Мити Филиппова, будто шило в одном месте: «Гля, пробитым колесом в нашу сторону развернутый... Щас полезу, вырежу камеру!..» Мы его за штаны еле удержали, а сами не уходим — слишком соблазн велик. Душно. Смотрим, немец голову на грудь уронил. Задремал. Мы сидим, а вдруг притворился. А Митя, как ящерка из тёरна, юрк! — мы и опомниться не успели, а он уже в кузове покрышку режет ножиком. Потом видим, уже камеру за пазуху сует. И вдруг немец глаза открывает и в упор смотрит прямо на Митя. Мы так и ахнули! А Митя замер и тоже своими чернющими глазёнками на немца уставился, как гипнотизёр. Сколько они так просидели — не знаю, но немец опять глаза закрыл и дремлет дальше. А через мгновение Митя уже рядом с нами, в терновнике, и пазуха у него оттопыривается. Нырнули мы в овраг и до следующего утра там просидели.

Думаю, обошлось всё потому, что немцы как раз дислокацию меняли. Одни вместе с тем «студебеккером» куда-то уехали, а их место заняли другие. А так бы несдобровать нам... Да всему хутору бы несдобровать... За воровство немцы строго карали.

Виталий сидел заворожённый отцовским рассказом. Как наяву представлял цепкие угольки-глаза Мити и вальяжные, сонные — того немца.

— Он бы его сразу, наверное, расстрелял, — сказал он.

— Нет, — они бы всё показательно сделали... Не тот немцы народ... Им нас поучить надо было.

— А Митя этот очень отчаянный...

— Да. Он всю жизнь таким был. После войны работал сцепщиком вагонов на Узловой. Там и погиб.

— Как?..

— С напарником, молодым совсем хлопцем, формировал эшелон. И тут в вагоне тормоза отказали, что ли... В общем, оттолкнули он напарника, а сам между буферами оказался. Вот и всё...

А резины тогда всем хватило. Что ты!.. Упругая, тягучая... За двадцать пять-тридцать метров, любую цель с её помощью поразить можно было... Ладно, пойдём перехватим, — завершил отец.

Они направились в крохотную летнюю кухоньку, а находка Виталия, старая рогатка, так и осталась лежать на скамеечке.

ПОЛИЦАЙ

Хуторской день близился к концу. Солнце, всё больше наливаясь медным цветом, опустилось за лесополосу. Поднимая небольшую пыль, прошло стадо. Скамейки вдоль улицы, как обычно, стояли заполняться стариками, молодухами с маленькими детьми.

Поколыхивая бёдрами, с пёстрым полиэтиленовым пакетом в руке по улице шла хуторская красавица Оксана Берденко с сынишкой. Русланчику, так звали мальчика, было около трёх лет. Мальчик полный, губастый и розовощёкий с белобрысими вихрами и серыми глазами. Шёл он впереди матери, раскачиваясь, как утючок, на совершенно дугообразных, кривых ногах. Русланчик весело смотрел на мир, улыбался чему-то своему, а в руках нёс небольшой мяч, разукрашенный рожицами улыбчивых, как и сам он, зверушек.

— Привет, Олеся, — заглядевшись на молодку и её бутуз, — окликнул Виталий. — Футболистом будет, — кивнул он на мальчишку. — Будешь футболистом, Русланчик?..

— Да-а-а! — вдруг закричал во всю глотку Русланчик, потом звонко засмеялся и, показав Виталию язык, спрятался за мамку.

— Я тебе... — смущённо дёрнула сынишку за рукав Оксана. — Будет, будет, дядя Виталий... Обязательно футболистом... Вырастет, и будет всех отфутболивать, как его папка... — Оксана грустно улыбнулась, и продолжила свой путь мимо скамеек с Виталием. Виталию стало как-то не по себе. Он встал со скамеек, посмотрел по сторонам и направился во двор.

Иван Васильевич сидел у открытых дверей кухоньки на низеньком самодельном стульчике и чистил картошку.

— Ну что, Виталь?.. Ты бы шёл, включил печку. Сейчас картошку сварим, мясо разогреем — поужинаем.

— Да то можно...

Когда отец поставил на огонь картошку и снова вернулся на свой стульчик, Виталий вдруг заговорил про Олесю.

— Не повезло Олеське Берденко, — сказал он, — такая женщина красивая, а муж бросил. Казалось бы, что ему нужно?.. И, главное, пацанёнок теперь сирота при живом отце... Какая-то молодёжь безответственная или бессердечная пошла...

— Нет, — совершенно спокойно сказал Иван Васильевич, — просто сейчас хлопцев сами же девчата и разбаловали. Точно такое отношение к ним и у нас было — после войны. У девичьей молодости век недолог, — раз! — и увяла уже. А счастья всем хочется. Парней-то меньше было. У девчачат, которые постарше нас были, женихи на войне многие полегли. Вот они и пытались устроить свои судьбы как могли. И нас, молодых, от себя не отталкивали. Многие и взяли себе в жёны подруг старше себя на пять-шесть лет. Да сейчас тоже такое же положение, как и после войны. Смотри, сколько цветущих мужиков в «горячих точках» сгинуло, в катастрофах разных... А на дорогах — ужас!.. Да ещё пьянка, наркотики... Ох, что я тебе говорю... Мало телевизора, что ли?.. Может оно и правильно, что родила Оксана, надо же убыль как-то пополнять. Думаю, одна она не останется, женщина и вправду красивая... Нормальный мужик попадётся, так и пацана поднимет, и Оксане счастье будет.

— Хотелось бы верить, — сказал Виталий, — там такой футболист с ней пошёл, кривоногий, как тюлень толстый, но уже мужская рука нужна... А то дразнил меня, язык показывал, — хохотнул он.

— Футболист, говоришь?.. — Иван Васильевич задумался, потом: — Ты на картошку поглянь, должна уже готовой быть...

Виталий ушёл в кухоньку и вслед услышал:

— А я о футболе первый раз при немцах услышал, да увидел, как они в него играют, — говорил Иван Васильевич. — У нас-то игры свои были, в лапту, например. Только лаптой эту игру в Лап-

тиново не называли, а просто говорили: айда играть в мяч... Резиновых мячей тогда не было, так их из коровьей шерсти валили. Весной, когда корова линяет, начешут с неё гребёнкой шерсти, увлажнят, а потом в золе катают, до той степени, что он упругий становится, не расплзается, крепкий, битой бей — не разобьёшь. Представляешь, если не увернёшься и таким мячом посалят. В общем, всё тело в синяках. А футбол, волейбол — нет, до войны мы о них почему-то не знали.

А тут немцы — площадку расчистили, две команды у них, болельщиков человек, может, триста. И мы, пацаны, конечно, между ними. У нас свой интерес там был. Мы же все курили, вот и бегали, окурки там собирали... Я один раз насобирал уже с полкармана. А тут немец, наверное, какой-то младший офицер, меня подзывает, пальцем на карман показывает: «Вэх!..» — а сам ладонью от себя показывает, мол, выброси, да мне почти полную пачку сигарет протягивает и опять на карман пальцем тычет: «Вэх, вэх!.. Ай-я-яй!..»

— Культурный, — отозвался из кухоньки Виталий.

— Да, может, медик?.. — предположил Иван Васильевич.

— А что ж ты, окурки выбросил?..

— Ага... Да я пачку как схватил — только немец меня и видел...

После завтрака, видимо так и не сойдя с волны воспоминаний, Иван Васильевич продолжил:

— А в футбол они неплохо играли. Да что: молодые, сильные, азартные. Правда я футбол и пострашнее видел.

— Что ж за зрешище?.. — с интересом посмотрел на отца Виталий.

— У нас в хате окружено жил, Женяка. Парень лет тридцати, а может, чуть больше. Военнопленный, так мы их называли, из тех, что за Дон не успели уйти — немец-то дорогу перерезал. Во многих хатах тогда эти военнопленные жили, и людям это не в тягость было. Вот и Женяка у нас жил, пока и немцы не пришли. А они как пришли, сразу начали выявлять красноармейцев и угонять. Куда угоняли — не знаю.

А Женяка этот так нам нравился! Спокойный, весёлый, да ещё и сапожник отличный. Был он сам откуда-то из Белоруссии, разговаривал смешно, говорил: «У меня и дед, и бацька, и браты — усе обувку швають...» Конечно, на прокорм он и себе, и нам заботился... Хотя мы тоже без дела не сидели, помогали взрослым.

Ты говоришь: культурные немцы были... Конечно. Грязную работу они сами не делали, всё чужими руками старались... Вот и красноармейцев они через полицаев выявляли. Полицаи у нас в Лаптиново бывали. Боялись их все. Особенно лютовал Микола — мужик лет под сорок, краснорожий, всегда полуписьмённый. Не наш он был. Говорили, что откуда-то из-под Купянска.

Так вот этот Микола и пришёл за Женякой с немецким автоматчиком. Завалили в хату, а Женяка сидит, сапог чинит. «А ну, выходи!.. Чего расселся...» — говорит ему Микола. Мы сидим, как мыши затихли. Женяка в одних штанах и рубашке был. Потянулся, было, за своими сапогами, так этот Микола плёткой его... Поверишь, до сих пор жалко человека. Плётка у полицая витая, с набалдашником... Ну, изо всей силы, как перетянул!.. Бедный Женяка так и сел. «Чи нэ поняў?.. Выходи, кому кажутъ!» А немец, автоматчик этот: «Гут, гут, Ми-ко-ля... Так, так...» А полицай на нас как чёрт глянул, ухмыльнулся: «А як же з нымы... Тильки так...»

Выскочил я вслед за ними из хаты. Смотрю, человек двадцать уже таких, как наш Женяка, стоят, полицаи и немцы их охраняют. Немцы сразу на Женяку котелки свои понавешали и погнали их. Гляжу, а у Женяки рубаха на спине лопнутая...

Но самое интересное, лютовал тот Микола сильно, а когда немцы драпанули, он с ними почему-то не убежал. Наши как только зашли в Лаптиново, так сразу его и взяли. А через три дня, смотрим, погнали его на Козий хутор. Офицер и два автоматчика. Мы, пацаны, издалека, правда, видели, как офицер зачитал приговор, как автоматчики подняли автоматы и как тот

Микола упал. Хоронить его никто не стал, так и валялся, пока собаки не растащили.

А лет через десять после войны, я уже шофёром работал, еду как-то весной через Козий хутор. А там на бывших подворьях розы как раз расцвели — красные, жёлтые... Наши, дикие. А они до того пахучие!.. Думаю, надо Наташе сорвать. Подъезжаю, а там наши, Лаптиновские пацаны, лет по десять-одиннадцать им, гоняют что-то ногами. Смотрю, не разберусь. Кричу старшему: «Витя, что это у вас за мяч?..» А он: «Да это череп... Наверно, мужика какого-то... С дыркой...» — «А где вы его взяли?..» — «Лёнька вон там под вербой его из земли выковырнул и на палке сюда принёс...»

То и правда был человеческий череп, и дырка в нём — явно от пули. «А-а, вон оно что... — подумал я, — ну, как Ми-ко-ля, гут?.. Так с вами, гадами, и надо... Только так». Вот такой ещё футбол...

Я сорвал роз для матери и уехал. Пацанам ничего не сказал: «Пусть, — думаю, — гоняют...» А всё-таки надо было рассказать...

МОЛОДЕЦ, БАКЫТ!..

Была пятница. Все дела, запланированные на день, Виталий с отцом переделали: навели порядок на хозяйственном дворе и очистили закром от остатков зерна. Пополничили они простенько — выпили по паре стопок домашнего, да закусили яичницей-болтушкой с салатом из свежих помидоров. По обыкновению Иван Васильевич взял газету, они с Виталием вышли за калитку и присели на лавочку.

То там, то там, к домам на улице стали подъезжать машины. Это на выходные съезжалась в Лаптиново когда-то уехавшая из хутора молодёжь. Теперь с семьями они выбирали время навестить своих родителей. Приезжали кто из райцентра, а кто и из более дальних городов и весей.

Запылённые машины подкатывали под дворы. Щёлкали замками дверцы, выпуская на свет божий приехавших. Из калиток выходили радостные старики и встречали своих детей, внуков и правнуоков.

Машины у народа были разные: простенькие отечественные и, как теперь говорят, навороченные иномарки.

Молодой сосед Ивана Васильевича Олег Марасенко нынче приехал сам, без семьи. Припарковал свой крутой внедорожник у двора и пошёл навстречу матери и отцу, уже ожидающим его у калитки.

— Видишь, Виталий, какая у Олега машина?.. А ты что ж, так и будешь на казённых ездить?..

— Буду на казённых... — отмахнулся от отца Виталий.

— Нет, своя машина оно, конечно, лучше...

— Бать, я тебя сколько раз просил, не затевай ты этого разговора... Ну, не технический я человек. Не моё это — машины...

— Тыфу ты, — как-то вдруг повеселел отец, — а я что, думаешь, в войну, будучи пацаном, мечтал трактористом быть?.. Да и в голову такое не приходило. А киргизёнок этот Бакыт, вообще ското-вод прирождённый, он мечтал?.. Так и его ж на трактор усадили!..

— При чём тут киргизы, Батык твой?..

— Бакыт, а не Батык... Я тебе, кажется, рассказывал, что в сорок четвёртом году собрали нас, безотцовщину, и отправили на центральную усадьбу нашего совхоза. Человек сорок или пятьдесят поселили в общежитие при ремонтной мастерской и стали учить на трактористов.

Многим, и мне в том числе, этот трактор и во сне не снился. Но учиться было надо, потому что нас там кормили.

Директором курсов был однорукий еврей Савелий Аронович, а вот фамилию не помню... Кажется, Шихман... Подзабыл... Прекрасный был мужик. И курево нам разрешал, и в карты играть, только не на деньги — ему главное было, чтоб мы учились. Шустрый такой. И на язык, и на дело скорый. Я теперь так понимаю: сверху от него требовали, чтоб к весеннему севу трактористы в хуторах были. Правда, тракторов нигде не было, но это было, видимо, не важно. Мы же осваивали механизаторские азы на старом, но хорошо отлаженном тракторе Сталинградского тракторного завода СТЗ-НАТИ. Учеников не хватало, и курсы постоянно пополнялись новенькими. Однажды появился и этот киргизёнок Бакыт. Худой, оборванный, как все мы, в войлочном изодранном кементае — это халат такой у них, и войлочной замыгтанной шапке — калпаке. Привели его с хутора Любимого. Там тогда киргизов целое поселение жило в саманных домиках и юртах, но об этом я уже после войны узнал. Даже в гостях у киргизов бывал. Но это другой разговор. Так вот, смотрим мы на этого Бакыта, жалко нам его. Он ведь по-русски почти ничего не понимал. Кто из наших постарше, водили его в столовку, учили, как надо есть просить. Придут, смеются, говорят: «Жить Бакыт будет. Сегодня тёте Маше сказал: дай килеби... Понятно ж, что хлеба просил...» А тут ещё старый киргиз, Алибек его звали, придёт к Савелию Ароновичу: «Начальника, отпускай Бакыт... Овечка пасты будет... Конь ездить будет... Трактур не будет...» — «Будет, будет твой Бакыт трактористом, отец... Ещё каким!..» — смеётся Савелий Аронович. «Отпускай, отпускай, пожалисти...» — чуть не плачет старый киргиз.

Не отпустил директор Бакыта, потому что у него план, а мы уже материальную часть изучать стали. Ну, тут у Бакыта успехи были ещё те. Устройство мотора и нам не всем легко давалось, а у киргизёнка ещё и с русским беда. Вызовет его учитель Иван Никифорович, инвалид... Без одной ноги он был и пальцев на левой руке у него не было, даст Бакыту указку и говорит: «Ну, Бакыт, рассказывай...» И какой бы вопрос он ему ни задавал, Бакыт глаза в потолок, указкой по матчасти постукивает и одно и то же твердит: «Прюжин, бачмак, карёмисиль...» — хоть убей.

— И что ж, стал он трактористом?.. — заинтересовался Виталий.

— Ещё как...

— И на тракторе поехал?..

— Не только поехал, но и вовремя остановил его...

— Как?..

— Да Савелий Аронович такое придумал... Когда вождение сдавали, из райцентра инженер приехал Иван Евдокимович. Мужик серьёзный, весь в орденах и медалях. «Так, Савелий Аронович, показывай своих орлов...»

И пошли мы по очереди на тракторе маневрировать. У всех по-разному получалось, но справлялись.

Подошла очередь Бакыта. Старый Алибек тоже с Любимого пришёл. На экзамен смотреть. Плачет: «Начальника, отпускай Бакыт...» — «Кто это у тебя, Савелий Аронович?» — смотрит инженер. Директор Бакыта по плечу похлопал: «Лучший ученик! — говорит. А потом киргизёнку: — Пойдём, сынок, я тебе помогу...»

Уселись они в трактор, он такой, без кабины был, Бакыт за водителя, Савелий Аронович рядом. Завыла машина и поползла вперёд. У киргизёнка его узкие глаза навыкат пошли — боится, а Савелий Аронович на педаль нажал, за рычаг потянул и направил трактор прямо на яму, в которой извесь зачем-то гасили. Глубоковатая яма эта была, об этом все будущие трактористы знали, потому что сами её и копали. Так вот. Направил директор трактор на яму. Сам спрыгнул на землю, а Бакыту нашему кулак показал. Тот не знает, что делать. За рычаги хватается, на педали нажимает, а трактор знай к яме ползёт. Вот уже с полметра до неё осталось, и тут Бакыт как завершит, будто заяц, и оба рычага на себя как потянет, трактор и встал...

Все молчат, а Савелий Аронович смеётся: «Молодец, Бакыт!.. — а потом старому Алибеку: — Видел, отец?! А ты говорил, твой

Бакыт трактористом не будет!..» — «Да он у тебя прямо ювелир, Савелий Аронович... Чистый ювелир...» — сухо улыбнулся инженер Иван Евдокимович.

— А потом что было, бать?..

— А что потом?.. Экзамены сдали, а пахали и сеяли той весной на волах, на коровах, да на себе, как почти и везде. Я на тракторе только в сорок седьмом году начал самостоятельно работать...

— А Бакыт?..

— Нет. Из Бакыта тракториста не вышло. Так и пас он овец на Любимом, пока не уехали киргизы от нас к себе на родину. Кажись, уже в шестидесятых годах...»

Иван Васильевич снова посмотрел на Олегов внедорожник, потом на Виталия:

— А может, ты и прав. В жизни кому что даётся... Кому на тракторе землю пахать, кому овец пасти... — развернул газету и стал внимательно изучать её страницы.

МУЖИЦКИЙ ГОЛОС

Зимой Виталий приезжал к отцу реже. Всё боялся, что испортится погода и выбраться ему из хутора будет невозможно. Хотя при любом ненастье в зимние дни дороги расчищались там быстро и качественно. Но такая вот душевная слабина Виталия существенно влияла на количество его встреч с отцом.

В этот раз он плонут на все свои сомнения и приехал в Лаптино, рассчитывая пробыть здесь все свои выходные. Так оно и случилось. Была первая декада февраля. Морозы стояли не очень сильные, но к вечеру субботы, во второй день пребывания Виталия в гостях, хутор накрыла мгла, с севера-запада подуло сразу как-то неистово и разудало, и скоро света белого не стало видно.

Отец порадовался, что успел положить козам побольше сена и напоил их вволю накануне метели да что куры были не без запаса зерна в кормушках в своём маленьком курятнике: передвигает живность непогоду!..

Электричество из-за бури отключили, и лишь газ весело гудел в печке да ветер завывал в трубе, а на соседнем подворье что-то хлопало, будто крылья огромной птицы.

— Наверное, у Гузиных брезент с сена сорвало, предположил Иван Васильевич.

— А что ты хочешь, такой буран... Как ещё крыши не посыпало, — поддержал беседу Виталий, лёжа на диване и плясая в темноту.

— Да-а, буран... — Иван Васильевич зажёг на кухне свечку, а потом керосиновую лампу. — Вот, двадцатый век, а нам в хуторах без этих свечей да ламп керосиновых, как без рук.

За стеной что-то грохнуло, потом по улице проехал-протарахтел гусеничный трактор.

— Дойка закончилась... Петька доярок по домам развозит, — определил Иван Васильевич. Потом, через минуту: — А знаешь, Виталь, когда на дворе такое начинается, я всё чаще думаю, как же мы в военные зимы выживали?.. Холодно ведь было... Тут вот газ без передыху горит, тепло, а тогда... Насобираем бурьяна всякого, соломы гнилой, терновых веток нарубим, да и просидим всю ночь около печки, прижавшись друг к другу, как щенки, ей-богу. От такой топки только так и можно было не замёрзнуть. А если что... Чёрт-те что!.. Кartoшку мёрзлую вместе с кожурою, абы живот набить, да ещё то, что добрые люди в суму положат — буряк, початок кукурузный, сухарь, а то и сала кусочек перепадал, но до того старое оно было да горькое... — Иван Васильевич как-то тяжко вздохнул и, отвернувшись от Виталия, поднёс руку к глазам.

— А вот когда немца прогнали, так мы, подростки, на Узловую на подводах, а то и пешком, отбывали вагоны разгружать. Зимой шестьдесят километров, слушай, не шутка отмахать. Отработаем там, разгрузим вагон с чем-нибудь... Четыре-пять человек на один вагон нас ставили... Потом нормировщик по кругу макухи нам и выдаст. Хоть это и жмых от подсолнечниковых семечек, да еда... Ещё какая!.. Правда, какой нормировщик. А то пихнёт нам по четвертине макушины, ёщё и пинка даст, если возмутимся.

Мания наша на этих вагонах и угrobилась. Зима, а у неё валенки худые, платьишко — не разбери из чего, кофточка какая-то самодельная, телогрейка да платок — дырка на дырке. Вот тебе и туберкулёз. Раз, бедная, пришла домой — синяя. Согнулась и слова сказать не может. Мешок с макухой уронила и сама упала, да ещё плачет, говорит, что варежки кто-то украл. Беда. Хорошо, мачеха травы собирала всякие, так Манию за три недели от простуды и выхолила.

А главное, всё ж топка. Однажды я с Узловой прихожу, а в хате у нас тепло и мясом жареным пахнет. Я чуть слюной не подавился.

Оказывается, мачеха, Варвара Петровна, Мания и Коля за соломой ездили на волах. Волов тогда на весь хутор три головы было — двух в арбу запрягают, а один отдыхает, отъедается. Так вот, наконец до нашего двора очередь за соломой ехать-то и дошла. Поехали они, и на счастье нам в скирде пустые ящики нашли, похоже, как из-под снарядов. Кто их в скирде спрятал, я так до сих пор и не знаю. Мы ими потом две недели печку нашу топили. А мороз в тот самый день точно за тридцать градусов был. Так вот, мои наперебой и рассказывали мне, как они всё это богатство домой привезли.

Чтоб к скирде добраться, надо было через яр переехать. Туда волы хорошо дошли, а оттуда... Во-первых, арбу досками от ящиков нагрузили, да соломой их прикрыли, чтоб меньше кто видел, а во-вторых, на гору волам надо подниматься. Скотинка эта и так не всегда послушная была, а тут от постоянного недокорма ослабли волы сильно. Мачеха говорит: «Стали волы, как вкопанные. Мы им: Ѽобэ-ќоб! Щоб-ќобэ! — они стоят, языки вывалили, и ни в какую!.. И тут наш Коля говорит: что вы, бабы, пищите?! Тут мужицкий голос нужен. Да как закричит на волов: а ну, Ѽобэ-ќоб!.. Они и пошли. Да так до самой хаты ни разу и не остановились».

Иван Васильевич усмехнулся:

— А я и теперь всё думаю: Коле тогда лет восемь или девять было. Какой из него мужик. Да и голос-то у него как у молодого петушки был. А смотри ж ты... Нет, видимо, всё ж почувствовали волы, что на них именно мужчина голос подал!..

— Бать, а что ж ты не говоришь, откуда мясом пахло?.. — спросил Виталий.

— Да ну его, то мясо... До сих пор, во оно где... — Иван Васильевич упёр два пальца в кадык. — Оказывается, вороны в скирду попрятались — на таком морозе им летать, наверное, невозможно было, так Коля их в мешок накидал... Дома им головы прочь, кипятком ошпарили, разделали, да в большой чугун. Хорошо соль у нас была и травы у мачехи разные, корешки какие-то. Тушили в чугуне долго, да мясо всё равно горьковатое было и жёсткое. Но поели всё — голод не тётка. Да ещё и у бабы Ганны на сухари поменяли.

Утром буря стихла. Виталий расчищал от снега дорожки по двору и всё думал, размышлял. «Хорошо, — думал он, — что и мы выросли по большому счёту не голодными, и дети наши. Да и внуки не голодают. А ведь голод, холод... Какой это, должно быть, ужас, какая жуткая несправедливость по отношению к людям... Особенно к детям...» И Виталий радовался тому зыбкому счастью, что сегодня нет войны и нет голода, но в то же время сверлила ему мозг, не давала покоя мысль о том, что в этой жизни всё всегда так неустойчиво и обманчиво.